

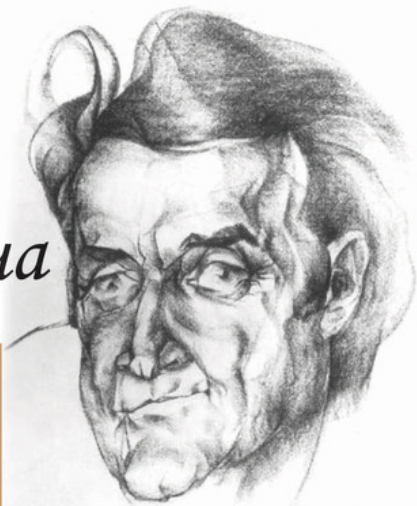


ЮЛИИ  
КРЕЛИН

ОЧЕНЬ  
УДАЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроники одной больницы

*Дни  
хирурга  
Жадкевича*



“КНИГА - СЭФЕР”  
2013

**Юлий Зусманович Крелин**  
**Очень удачная жизнь**  
Серия «Хроники одной больницы»

*Издательский текст*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=136853](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136853)*

*Очень удачная жизнь: Издательство «Книга-Сефер»; Израиль; 2013*

**Аннотация**

Документальная повесть о прототипе главного героя самой известной повести писателя «Хирург», друге Ю. Крелина, докторе Михаил Жадкевиче.

# Содержание

Вместо предисловия	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

# Юлий Крелин

## Очень удачная жизнь

### Вместо предисловия

**Часто вспоминаю слова моего друга, хирурга и писателя Юлия Крелина (передаю по памяти, не буквально): «Когда я за операционным столом, и в руках моих жизнь одного-единственного человека, – будь тут внезапная война или конец света, и от меня будет зависеть спасение человечества ценой жизни вот этого моего больного – я не побегу спасти человечество этой ценой, потому что я ЗАНЯТ одним и не имею права его бросать – я останусь с ним, со СВОИМ больным, я продолжу СВОЮ работу, пока могу...»**

*Владимир Леви, психолог*

Литературный герой, если это характер подлинный, продолжает жить и вне книги о нем; писатель, как Господь Бог, создал его из праха, из ничего, из мелькнувшей мысли, ощущения – и дальше у него начинается уже своя собственная жизнь.

У Крелина, среди множества очень любопытных людей, его книги населяющих, есть один самый

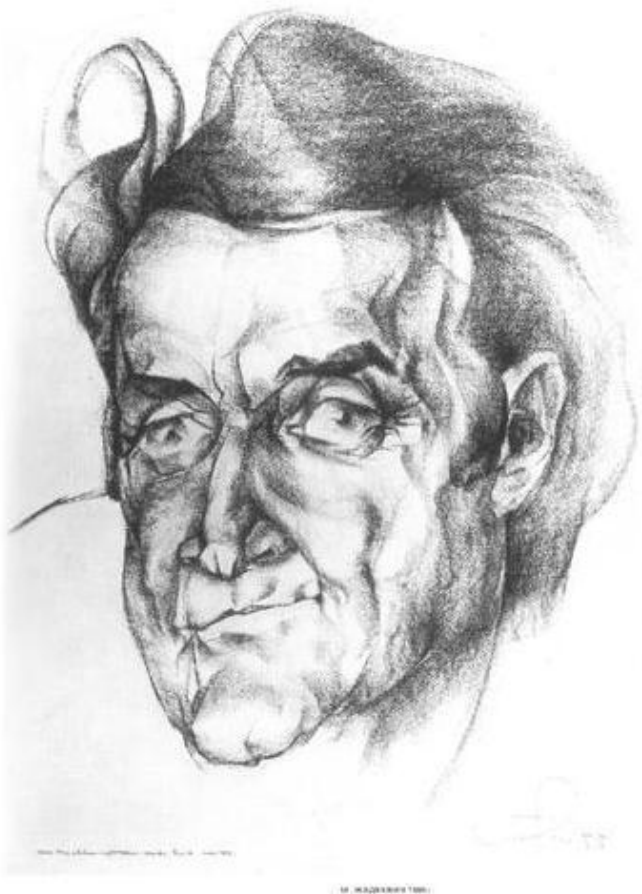
удивительный – доктор Мишкин, хирург от Бога. Телевидение повторяет порой крелинский сериал о докторе Мишкине, героя там играет Ефремов. Хороший фильм, он и сегодня, спустя годы, живой. Но пусть простят меня поклонники покойного Ефремова, которого я тоже высоко ценю, не получился у него Мишкин таким, как написан он у Крелина. Там действительно удивительный характер – личность неожиданная, необычайно обаятельная. Я очень советую тем, кто эту книгу не читал и кому она попадется, прочесть ее – «Хронику одной больницы», толстый том, где несколько повестей, в каждой действует Мишкин, а в конце авторское послесловие, своеобразный комментарий к судьбе главного героя: Крелин рассказывает о прототипе героя, докторе Михаиле Жадкевиче.

Это написано с такой страстью, силой, любовью и яростью, там столько сказано о человеке, с которым Крелин работал вместе много лет, его ровеснике, о том, как он умирал, заболев тяжелой формой рака, причем сам Жадкевич такие именно случаи оперировал; и то, как все врачи больницы боролись за жизнь товарища; как ему неожиданно стало лучше, он даже вернулся к работе, стал оперировать, а потом вынужден был снова уйти домой и... Это, повторяю, написано с такой силой, любовью и яростью, такая в этом напряженность, азарт, подлинный драматизм, сложность человеческих отношений...

Думаю, если бы Крелин и не написал больше ничего,

одного этого было бы достаточно, чтобы убедиться: Казакевич был прав, герой Крелина останется и будет жить в нашей литературе.

***Феликс Светов. Из предисловия к книге Ю. Крелина  
«Извивы памяти»***



©Рисунок Бориса Жутовского

Страшился я писать роман «Хирург» с положительным Мишкиным в центре.

Боязно описывать положительных персонажей – мы за прошедшие времена начитались о многих небесно-голубых героях, которыми засвечивали окружающую темь. Но что делать, если есть такой доктор на фоне мусора и тлена? Без него – решил я – и грязь не заметишь. Как увидеть плохое, если не знаешь, как выглядит в этих условиях хорошее. Ведь в каждом обстоятельстве, наверное, своя точка отсчета. Почти тридцать лет рядом жил и работал хирург Михаил Евгеньевич Жадкевич – он помог мне найти, с чем сравнить окружающий хлам и прах темноты, его сущность рождала во мне книгу и следом сценарий фильма «Дни хирурга Мишкина». Но в книге много вымысла – на то она и книга.

Миша умер – здесь записана одна реальность.

Мусорное наше здравоохранение, а сор из избы выносить не хотели, боялись. Все же лучше для здоровья, когда изба чистая. А сейчас вдруг все в медицине стало плохим. Стало! Было. Да только, по-видимому, не во врачах дело – во всем обществе, во всем «датском государстве неладно». Люди, попавшие в наши поликлиники, больницы, продирались сквозь грубость, хамство, через завалы тотального нищенства. Последнее более всего сказывалось на отношениях между медиками и нуждающимися в них. Да ведь всегда легче и доступнее виноватить кого-то конкретного. Например, врача.

Благодарных все же оказывалось больше: люди помогали



людям.

Как-то лет пятнадцать – двадцать тому, а может, больше, главный хирург Москвы спросил его по-светски, безлично, просто так: «Как жизнь идет, Миша?» – «Как? – недоумевающе склонил голову к плечу. – Как всегда. Семь дней – сняты швы. Семь дней – сняты швы. Так и проходит...»

Так и проходила жизнь... и прошла.

Какая же биография, когда вся жизнь от первого самостоятельного шага со дня получения диплома до последнего прохода по родному отделению, за пределы которого он редко выходил, определялась и отмерялась вот этими самыми вехами: «Семь дней – сняты швы. Семь дней – сняты швы». И вся карьера его подобна двухступенчатому взлету в очень земном пространстве: простой больничный хирург в небольшом курортном городишке – и там же простой заведующий отделением; простой хирург небольшой московской больницы – и там же заведующий хирургическим отделением. А вот его карьера в денежном выражении: шестьсот рублей (то есть шестьдесят) в 1952-м, в год начала работы, – и сто восемьдесят семь в год смерти, в 1986-м.

На похоронах, у гроба, один коллега, он же больной, доверившийся ему когда-то при тяжелом недуге, назвал покойного Михаила Евгеньевича Жадкевича «великим мастером». Понимали это и больные, которые чтили его и благодарили, согласно расхожему обычаю, бутылками коньяка, который он так и не научился пить... Может, некогда было пить. А

может, были иные стимуляторы или способы ухода от порой неприглядной действительности. Да он и не считал ее неприглядной, потому что делал только то, что любил, что нравилось. А нравилось ему лечить человека. Писать же истории болезней, ходить на собрания, слушать благопустоту – этим можно пренебречь, считал он. Что ж! Администрация наша терпела – он действительно был великий мастер.

Он лечил людей. А если не лечил, то сидел в ординаторской, изредка заходя в свое законное обиталище – кабинет заведующего. Он компенсировал отсутствующую формальную общественную работу непрерывными советами – рассуждениями, обращенными ко всем, начиная от генерального секретаря ООН, президента США, папы римского и Федерико Феллини до нашего председателя райисполкома, главного врача и не нуждающихся в советах санитарок. Те, которые считали, что он не занимается общественной работой, следовали Ильфу: у нас общественной работой признают лишь ту, за которую не платят. Выходит, по-видимому, что лечить людей, оперировать их – не общественная, сугубо личная работа?

Хотя так оно и есть. Он настолько любил свою работу, что за интересную операцию готов был платить из своего кармана. Но не мог по причине пустоты его. Любимая шутка в больнице: «Жадкевич больных себе ищет даже на улице». Однажды вечером пришел я в больницу во время его дежурства. Он звонил в центр «Скорой помощи»: «Привезите нам

чего-нибудь. Мы без дела сидим. Ночь впереди». Положил трубку и обернулся ко мне: «Я же не говорю, что не подвезли цемент или трубы... У нас все есть. И нуждающихся больных полно. Зачем же простой?» А что мне-то объяснять?

Иные называли его неудачником. Но не считали так сотни людей, пришедшие на его похороны! «Неудачник» великою своей удачей почитал образ жизни, дававшей ему возможность работать и любить то, что он любил. Пусть это была его личная, а не общественная удача. Он сам, например, считал, что вел общественную работу. И к обществу он относился лучше, чем... Да нет же: и общество к нему относилось хорошо. Он один из немногих людей, которым не стеснялись говорить искренне в лицо все то хорошее, что потом с той же искренностью повторили, глядя в его мертвое лицо. Не все заслуживают то, что о них говорят на панихидах и поминках. Он заслужил. И многое успели ему сказать, пока он был жив. Искренне! Большая удача!

Помню нашу первую встречу. В ординаторской сидел молодой человек лет под тридцать. На коленях его лежал портфель, к которому, словно к пюпитру, была прислонена книжка. Я поздоровался, и он начал подниматься... Нет – возвышаться. Он распрямлялся, он вырастал надо мной, и я думал, что это никогда не кончится. (По правде говоря, никогда и не кончилось.) Потом оказалось – велики глаза у страха перед новым коллегой – росту всего два метра. Как будто на век (на мой век) осталась в мозгу картина: высокий, чуть при-

гнувшийся из-за портфеля, прижатого к коленям, из-под белого халата выглядывает расстегнутый ворот красно-черной ковбойки и такие, ставшие неожиданно и мгновенно близкими, родными, глаза и улыбка. Описать их я не умею – не дано. А этот портфель, прижатый к ногам! Больше ни разу не видел я его с портфелем. И даже представить не могу, как, например, и с ружьем. (А дворянские его предки, наверное, любили побаловаться охотой. Он врач в пятом поколении, и представить его целящимся во что-нибудь живое – не могу.)

Поначалу всегда обращает на себя внимание какой-либо яркий, но подчас пустой внешний признак. У Миши это был высокий рост. Казалось бы, длина его при знакомстве могла отвлечь внимание от иных внешних примет, тем более от существа. И все-таки сразу же наибольшее впечатление производили глаза его да улыбка. Они были внешними признаками сути. (Последние пятнадцать лет он улыбку прятал. Потеряв передние зубы, да так и не собравшись вставить новые, приобрел манеру держать палец у носа, заслоняя обретенную щербатость. Думал, что загораживал, но улыбка все равно светилась на лбу, из глаз, на длинной кисти, которая, словно ширма в современном театре, прикрывала отсутствие когда-то необходимого реквизита.) Но рост был заметен. Рост создавал ряд неудобств: ассистентам его на операциях приходилось подставлять скамеечки – высоковато приходилось поднимать стол. Порой приходилось надевать на него два стерильных халата: один обычно, как всем, прикрывавший

его лишь до середины бедра, словно мини-юбка; второй ниже, обхватывавший рукавами талию и завязанный на поясице. Спецодежда в больнице стандартна, рассчитанна лишь на хирургов обычных размеров. («Не хочу, – говорил он, – чтоб сын был таким же высоким. Больно много сложностей. В „Богатыре“, когда туфли примеряешь, зеваки собираются поглядеть, как выглядит сорок восьмой размер на ноге. Неловко. Вот когда был в сборной – там легче, там все длинные, там ты не белая ворона. Баскетбол для высоких убежище, спасение убогих. Там мы среди своих. Помнишь, был такой Ахтаев? Два тридцать два. Так я в его кеды обутым помещался. Там я чувствовал себя человеком».)

Еще вспоминаю Мишу рядом с профессором Еланским. Тот был много выше. Это зрелище меня успокаивало: вот ведь Миша ниже, а велик. Может, и я ничего. Много понадобилось мне прожить, проработать, продумать, насмотреться на Мишу, чтобы понять, сколь малую роль играют не только внешние отличия, но и внешние обстоятельства. Все в нем рождалось от нутряной сути его, а не от внешних радостей, неудобств, успехов или скверны. Естественность – главное качество человека. Естественность делала его «великим мастером». Человеком.

А написать надо биографию. Да какая же биография, когда вся жизнь прошла в хирургическом отделении! Прошла без приключений: не участвовал, не привлекался, не находился, не избирался, не награждался.

Учился, оперировал, учил оперировать, детей воспитывал, оперировал...

Родился в Краснодаре в тридцатом году, апреля девятого дня. Наследник по прямой четырех врачей. Сам – пятый. Сын его врач в шестом поколении. Династии врачей не менее полезны, чем, скажем, династии сталеваров или шахтеров. Медицинская династия – это часто страсть, передающаяся по наследству. До сего дня, рассказывают, будто в Прилуках стоит памятник земскому врачу Жадкевичу, деду нашего Михаила Евгеньевича. Отец его тоже был земским врачом и, подобно многим российским врачам, создавал тот земский стиль помощи человеку человеком, разъезжая в собственном выезде по деревням округи, тяжело и бескорыстно неся народу не только посильную помощь при физических недугах, но и начала культуры, цивилизации...

Но все это мы знаем из книг. Гражданская война перевернула жизнь, перетасовала людей, земли, обычаи, заменила земскую медицину здравоохранением иного типа, и Евгений Михайлович Жадкевич оказался в Екатеринодаре, где лечил, а также учил в должности профессора терапии и, уже в почтенном возрасте, родил будущего моего друга Мишу.

И началась биография: школа, эвакуация, школа, институт, баскетбол... Склонности и увлечения делили время на баскетбол и хирургию. Время делится и отмеряется увлечениями. На третьем курсе он подбирал на улицах бесхозных собак и превращал респектабельный профессорский дом в

виварий и собачью операционную. Опыт, как оно всегда и бывает, приходит через ошибки. (Как хорошо для будущих больных, что многие ошибки на пути растущего опыта пали на собак.)

Этой потехе – один час. Другой потехе – час другой. Спорт! Рост привел его в баскетбол. Пока институт – есть время ездить по сборам и тренировкам. Способности и возможности довели его до уровня сборной РСФСР. Его успехи у кольца были зримы и стремительны и менее разрушительны, чем успешные резекции здорового собачьего желудка. Пока... Пока спортивные успехи более зримы. Впрочем, спортивные успехи всегда более зримы, во всяком случае больше, чем успехи на поприще врачевания.

Уже тогда, в юности, мазнула своим крылом слава: красnodарская газета помянула его участие в сборной. Не помню, что точно писала газета, которую он нашел сравнительно недавно, разбирая архив матери. Мамы сохраняют все, особенно признаки подступающей славы. А папы уже не было в живых – пришлось самому соображать, что в жизни важнее славы. Юность, учеба, крики болельщиков, аплодисменты, свист, поклонники, уважение студентов, страх преподавателей перед укрупняющейся спортивной знаменитостью. Но вот – в пятьдесят втором году – учеба кончилась. Миша Жадкевич перед выбором. Выбирать легко, когда выбора нет или за тебя выбирают другие. Миша не был Адамом, который смотрел на единственную Еву, съев вместе с которой за-

претный плод, встал на трудный путь человека. Жадкевич не боялся выбора и всю оставшуюся жизнь почитал за великую удачу и счастье тот способ существования, которым он «в поте лица добывал свой хлеб насущный».



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.